

ОТКЛИКИ ЖИЗНИ

Издание Группы
Социалистов-Революционеров
(Выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ)

Адресъ редакціи:
Redaction de „L'Echo de la Vie“
19, rue Daguerre, — Paris.

ГИПЕРЪ-ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКІЯ МЕЧТАНІЯ ГЕРМАНИИ.

I.

Предложеніе президента Вильсона, чтобы воюющія государства публично заявили о своихъ цѣляхъ войны, встрѣтило одинаково враждебный приемъ со стороны «большой прессы» обоихъ лагерей, на которые раздѣлилась современная Европа. Старый политическій «тигръ» Жоржъ Клемансо, опредѣливъ выступленіе Вильсона, какъ попытку *прозондировать* намѣренія воюющихъ, насмѣшливо замѣтилъ, что его зонду не удастся проникнуть до самого дна французской національной души. Въ менѣе удачныхъ выраженіяхъ та же мысль сквозить едва ли не въ большинствѣ заявленій, какъ центрально-европейскаго, такъ и западно-восточнаго «аллианса». Война еще не кончилась, и, повидимому, далеко еще не стоитъ наканунѣ своего конца; военная ситуація еще можетъ существенно измѣниться. А реальныя политики не любятъ говорить объ условіяхъ мира, не соображаясь со стратегической картой. При этомъ рискуешь запросить одновременно и слишкомъ много, и слишкомъ мало. Слишкомъ много — по видимости, применительно къ условіямъ даннаго момента; слишкомъ мало — для будущаго, на которое можно возлагать неограниченныя надежды. Вотъ отчего «ответственныя» круги считаютъ, что слово — серебро, а молчаніе — золото, ибо «преждевременныя» заявленія вредятъ въ настоящемъ и связываютъ руки на будущее. Иными словами, теперь все еще время не ответственныхъ официальныхъ заявленій, а безответственныхъ частныхъ мечтаній. Причемъ, безответственныя мечтанія суть не что либо иное, какъ математическій предѣлъ для будущихъ официальныхъ требованій. Они первые показываютъ то *направленіе*, къ которому будутъ тяготѣть официальныя требованія. Въ зависимости отъ величины военныхъ успѣховъ, въ этомъ направленіи будетъ сдѣлано лишь нѣсколько шаговъ, либо всего одинъ шагъ, либо даже только полъ или четверть шага...

«Вы меня спрашиваете, чего добивается Германия?» — говорилъ когда то о «цѣляхъ войны» Вилгельмъ Оствальдъ: «Она хочетъ организовать Европу... На востокѣ Германия создастъ конфедерацію штатовъ, нѣчто вроде балтійской конфедераціи, которая будетъ включать Скандинавскіе Штаты, Фриландію и балтійскія провинціи». Поѣздка Оствальда въ Стокгольмъ имѣла цѣлью пропагандировать тамъ идею о превращеніи Швеціи въ своего рода «Пруссію балтійской конфедераціи». Но, кромѣ того, новая конфедерація, въ своемъ цѣломъ, должна встать къ Германіи приблизительно въ то же отношеніе, въ какомъ стоитъ Пруссія къ Германіи. На этомъ образчикѣ можно видѣть, какъ слѣдуетъ себѣ конкретно представлять идею «организации Европы». Это идея постепеннаго распространенія сначала на ея террито-

рію, а за тѣмъ и за ея предѣлами новаго государственнаго типа, для котораго проф. Пейссъ придумалъ звучное имя Kulturbund'a. Прообразъ его на лицѣ — въ видѣ самой германской имперіи. Въ ней есть свое «центральное свѣтило» — Пруссія, и спутники — другія, болѣе мелкія германскія союзныя государства. Германія должна занять во всей Европѣ — положеніе, которое въ Германіи занимаетъ Пруссія. Европейскіе «спутники» Германіи могутъ имѣть, въ свою очередь, своихъ «спутниковъ», играя для нихъ роль маленькаго «центрального свѣтила». Такъ, Болгаріи давно уже предлагается роль «Пруссіи Балканъ». Даже Турція можетъ, являясь «спутникомъ» для Германіи или Австро-Венгріи, вернуть себѣ въ Азіи роль «центрального свѣтила», вернуть себѣ Египетъ, Аравію и превратить въ свою «сферу вліянія» обезсиленную Персію. Россіи, при планахъ сепаратнаго мира, германскіе сверхъ-империалисты намекали на возможность въ будущемъ, съ нѣмецкой помощью, вернуться отъ «ближневосточной» ориентировки къ «дальневосточной», взять реваншъ у Японіи (которой Германія, кстати, должна отплатить за Кіао-Чау), продолжать свое «проникновеніе» въ Монголію и Манчжурію, и вытѣснить Англій изъ Афганістана, Белуджистана; по прямому пути въ Индію. Не захочетъ Россія сепаратнаго мира — не прогибайся. Первое наказаніе ей — восстановленіе Польши, а тамъ можно проектировать независимость Литвы и Украйны, передѣлку Румыніи съ прибавленіемъ къ ней Бессарабіи, и составленіе такимъ образомъ новой «юговосточной» конфедераціи подъ гегемоніей новаго германскаго вассала — Польши. И т. д., и т. д. Подробности не важны, ихъ какъ угодно можно передѣлывать, считаясь съ обстоятельствами, важна основная идея, а все прочее приложится.

Что же касается основной идеи, то она ясна. Будущій «Kulturbund» долженъ явиться сложной «конфедерацией конфедераций». Лишь въ самомъ «последнемъ счетѣ», самыми «опосредствованными» путями, въ немъ повсемѣстно будетъ проявляться нѣмецкая, и даже еще уже — прусская гегемонія; это не исключаетъ цѣлой лѣстницы подъ-гегемоновъ. Австро-Венгрія уже сейчасъ brilliant second Германіи, ея ближайшій помощникъ. Въ Kulturbund'ѣ вообще возможно дальнѣйшее широкое проведеніе системы раздѣленія труда, ибо, какъ выражался Оствальдъ, «новое устройство Европы будетъ основано безусловно на трудѣ, на трудѣ организованномъ, т. е., когда каждому достанется та часть работы, которую онъ лучше всего можетъ выполнить». Такъ, напр., организовать международную полицію и армію будетъ поручено тому государству, которое проявило наибольшіе таланты въ организациіи военного механизма (Пруссія), финансово-индустриальная организаторская миссія упадетъ естественно простой «логикой вещей» на плечи самой промышленной и денежно-сильной страны (Германія), другимъ достанется «миссіей» обез-

печенія индустриальнаго центра либо сырѣемъ, либо пищевыми средствами, третьимъ — оборудование, со стороны доступности, новыхъ рынковъ. «Господами въ этомъ будущемъ мѣрѣ будутъ великіе промышленники и купцы, опирающіеся на технику».

Кажется, здѣсь все болѣе, чѣмъ ясно. Когда то говорили — пользуясь удачнымъ словомъ, которое пустилъ въ ходъ покойный Эмиль Верхарнъ, и которое изъ поэзіи быстро переселилось въ политическую и экономическую публицистику — о «городахъ-спрутахъ», вытягивающихъ соки изъ «обезумѣвшихъ деревень». Эта противоположность нынѣ воспроизводится въ болѣе широкомъ масштабѣ. Являются «метрополи-спруты» и «обезумѣвшія колоніи». «Блескъ городовъ» и «печаль полей» превращаются въ «блескъ метрополій» и «печаль колоній». Это и есть то, что на научномъ языкѣ зовется империализмомъ. Но отъ него — одинъ шагъ до сверхъ или гиперъ-империализма, который въ свою сложную систему метрополій, подъ-метрополій, полу-колоній, колоній и подъ-колоній хочетъ уловить — всю вселенную. Уловить, исходя, въ послѣдней инстанціи, «монистически» изъ «единого начала», танцуя отъ «печки» чьей-то индивидуальной «сверхъ-гегемоніи».

II

Давно уже замѣчено, что Германія, начиная войну, выставляла себя чемпиономъ Европы противъ «Востока», заостряя конецъ своего военно-дипломатическаго меча преимущественно въ сторону Россіи. Но не менѣе бросается въ глаза и то, что въ процессѣ войны это остріе постепенно, медленно и неуклонно, поворачивалось и, наконецъ, окончательно повернулось въ сторону Великобританіи.

Раньше было такъ, что вражда Германіи съ Россіей являлась по преимуществу политической, а съ Англіей — экономической. Теперь политическое и экономическое совпали, и притомъ такимъ путемъ, что центр тяжести политическаго соперничества приблизился къ центру тяжести соперничества экономического (а не наоборотъ). Съ предложеніями сепаратнаго мира обращались главнымъ образомъ къ Россіи — почему? Да потому, что «гармонизировать» длительныя экономическія отношенія Германіи и Россіи представляется нетруднымъ. Россія ни въ комъ случаѣ не конкурентъ Германіи въ дѣлѣ гиперъ-империалистической «организации мира». Она еще можетъ выступать въ роли представительницы капиталистическаго начала по отношенію къ востоку; но по отношенію къ западу она — представительница начала «сырьевого хозяйства». Раздѣленіе труда между нею и Германіей, также, какъ между нею и, скажемъ, Англіей или Франціей, нетрудно. Не то — въ отношеніяхъ между Германіей и Англіей. та и другая — конкурентки и соискательницы на одну и ту же роль.

Посланіе президента Вильсона не безъ невольной ироніи указываетъ на то, что «по внѣшности» цѣли войны обоихъ воюющихъ лагерей въ Европѣ однѣ и тѣ же. И та, и другая сторона говорятъ объ установленіи системы длительнаго мира, о международномъ правѣ, объ «обществѣ государствъ», получающихъ своего рода «конституціонныя гарантіи» гармонизации ихъ взаимныхъ отношеній. Иными словами, и у тѣхъ, и у другихъ идетъ рѣчь объ «организации Европы». Отсюда у него какъ бы естественно напрашивается выводъ — какой наивно институтскій выводъ! — что въ самомъ главномъ «цѣли войны» общи и, стало быть, согласны.

На дѣлѣ, конечно, какъ разъ наоборотъ. Одина-

ковость цѣлей — это только по внѣшности парадоксъ — здѣсь означаютъ ихъ диаметральную противоположность, и, слѣдовательно, несогласимость.

Когда въ «нашей» прессѣ, въ прессѣ «alliés» начинается «въ серьезъ» обсуждаться вопросъ, какъ можетъ эта война стать «послѣдней войной», какъ изъ небыталой всевропейской рѣзни можетъ вдругъ прористечь небыталая всевропейская гармонія, какъ режимъ силы, войной доведенный до крайней экзальтации, можетъ непосредственно и логически родить изъ себя режимъ права, то единственнымъ, доселѣ даннымъ *реальнымъ* отвѣтомъ является такой: четверной союзъ и его арміи — вотъ, въ зародышевомъ видѣ, будущая международно-правовая организация Евоопы. Если этотъ союзъ укрѣпится, то его объединенная, союзная воля продиктуетъ основы будущей всевропейской конституціи, а его арміи, съ ихъ, въ любой моментъ удобовозобновляемымъ «единствомъ фронта», — вотъ то «великое подразумеваемое», которое сдѣлаетъ изъ международнаго права не chiffon du papier, а реальное право, т. е. право, снабженное юридическою санкціей, за которой есть реальная организованная международная сила.

Не трудно видѣть, что эти же самыя формулы — mutatis mutandis — можетъ сдѣлать своими и Германія. Mutatis mutandis, т. е. вмѣсто allies международную конституцію Европѣ дадутъ Verbündeten, и санкція этой конституціи будетъ обеспечена союзными германско-австро-болгаро-турецкими силами.

Тѣ и другіе считаютъ, что международная «конституція» можетъ создаться лишь *монистически*, но никоимъ образомъ не *синтетически*. Нужна чья либо окончательная побѣда, чья либо окончательная (пусть коллективная) гегемонія. Все остальное — паспфистскія утопіи. И вотъ почему единство «цѣлей войны» есть ихъ непримиримая, взаимно-исключающая противоположность, а Вильсонъ — наивный ребенокъ.

Для организации Европы нужна сила, ибо сила создаетъ право. На лице есть дѣятели, а этого слишкомъ много. Одна должна сломить другую. Что вмѣсто предлагаетъ Вильсонъ? Посредничество третьей силы? Но кто же будетъ ею? Соединенные Штаты? Или даже союзъ, по ихъ инициативѣ, всѣхъ нейтральныхъ государствъ? Пустая затѣя. Въ Европѣ этихъ государствъ почти не осталось. они — quantité négligeable, а «Европа для европейцевъ», и заатлантическіе друзья могутъ не совать носа туда, гдѣ ихъ не спрашиваютъ, если не хотятъ получить по этому носу весьма чувствительныхъ щелчковъ.

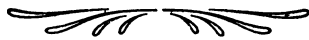
И пресса уже не скупится на эти щелчки, потому что официальныя сферы будутъ неизбежно дипломатичнѣе, а «раздѣленіе труда» дѣйствуетъ и въ этой сферѣ. И мы остаемся въ томъ же положеніи, что и раньше. Центральная Европа консолидируется политически и экономически. Заняты дѣломъ «консолидация» и союзники. Первоначальное ихъ военно-стратегическое и дипломатическое «сотрудничество» дополняется все больше и больше экономическимъ. Дѣлается успѣхи идея таможеннаго союза, обращеннаго остриемъ противъ Германіи. Россія «амансипируется» отъ нѣмецкаго капитала, гостеприимно предлагая вакантныя мѣста капиталу англійскому и франко-бельгійскому.

Параллелизмъ двухъ «системъ», противостоящихъ другъ другу, дѣлается все полнѣе и полнѣе. Если въ первой «комбинаціи» центральное мѣсто занимала Германія со своимъ brillant second — Австріей, то финансово-индустриальной «душею» противоположной комбинаціи является Англія, а роль ея brillant second по праву достается Франціи. Не обидной является и роль «спутниковъ», выпадающая на долю Ита-

ли, Японіи, Россіи. Японія подь шумокъ войны почти безъ спора завладѣла немного не монополюсь такимъ «спутникъ», какъ Китай, а великій сибирскій путь задуманный, какъ орудіе проникновенія Россіи на Дальній Востокъ, сталъ гораздо болѣе орудіемъ проникновенія японскаго какагала въ восточную Сибирь. Италія должна превратитъ Адриатическое море въ Итальянское озеро. «организуя», кромѣ Триполитаніи, востокъ Балканъ, часть Эгейскаго архипелага и малоазіатскаго побережья. Россія, ставъ твердой ногой въ Константинополь, замѣщаетъ Австрію на остальной части Балканъ; подсобная миссія на Балканахъ, падавшая въ австро-венгерскомъ проектѣ на долю Болгаріи, въ контръ-проектѣ падеть на долю Сербіи. И такъ далѣе, и т. д. . .

Развѣ вы не знаете, что «клинь клиномъ вышибаютъ»? И такъ — система противъ системы! Конфедерация конфедераций противъ конфедерации конфедераций! Гиперъ-империализмъ противъ гиперъ-империализма!

Если найдется читатель-скептикъ, который скажетъ, что такимъ путемъ можно придти не къ новой эрѣ Соединенныхъ Штатовъ Европы, а къ новой эрѣ всевозможныхъ войнъ безъ конца, то мы ему отвѣтимъ: для иного пути нужна *третья сила*. Но врядъ ли она придетъ *извне*, со стороны проблематическаго «союза нейтральныхъ». Среди нихъ возможна лишь третья... гиперъ-империалистическая комбинація. «Третья сила» можетъ зародиться лишь *внутри* воюющихъ государствъ. Создать ли — и когда ее создасть — отрезвляющій омытъ войны еще во время самой войны, или лишь послѣ нея? Кто возьмется предсказать? Во всякомъ, случаѣ, одно вѣрно: половинчатое вмѣшательство *мнимой* третьей силы нейтральныхъ ускоритъ и поможетъ созданію *настоящей*.

СМѢНА КАБИНЕТА ВЪ АНГЛІИ.

Въ Англіи произошла крупнѣйшая политическая перемѣна. Во главѣ правительства стоитъ отнынѣ, безспорно, самый крупный государственный дѣятель современной Великобританіи, а пожалуй и всей Европы, человекъ исключительной энергіи, исключительнаго роста: Ллойдъ-Джоржъ.

До войны среди европейскіхъ государственныхъ дѣятелей онъ былъ самымъ смѣлымъ, пожалуй даже дерзкимъ социальнымъ реформаторомъ. Онъ не боялся сосредоточить на себѣ всю обостренную ненависть старой Англіи — консервативной, благочестивой, имущей. Хотя онъ никогда не былъ социалистомъ, но старая Англія немедленно объявила его опаснѣйшимъ изъ социалистовъ.

Во время войны онъ сдѣлался столь же смѣлымъ, столь же дерзкимъ милитарь-реформаторомъ. Онъ первый изъ англійскихъ радикаловъ повелъ самую рѣшительную агитацию въ пользу всеобщей воинской повинности. А теперь онъ не менѣе рѣшительно вводитъ всеобщую гражданскую трудовую повинность. Двѣ мѣры, которыя до такой степени нарушаютъ всѣ старыя традиціи личной свободы англійскаго гражданина, что равносильны цѣлой революціи. Революціи сверху. Революціи для цѣлей фронта.

И этого мало. Ллойдъ-Джоржъ не побоялся для этого вызвать паденіе кабинета Асквита, членомъ котораго самъ онъ состоялъ. Когда вся либеральная партія въ конфликтѣ его съ Асквитомъ сгруппировалась вокругъ послѣдняго, Ллойдъ-Джоржъ не отсту-

пилъ передъ тѣмъ, что оказалось не подь силу лидеру консерваторовъ Бонаръ-Лоу. Ллойдъ-Джоржъ, представитель небольшого радикальнаго крыла, не побоялся столкнуть съ мѣста у государственнаго руля всю либеральную партію, обладавшую — и до сихъ поръ обладающую — численнымъ большинствомъ въ палатѣ общинъ. Черезъ голову этого либеральнаго большинства онъ подаль руку консервативному меньшинству. Онъ не отступилъ передъ тѣмъ, что *eo ipso* онъ нанесъ либеральной партіи, выдвинувшей его и еоздавшей ему исключительно благопріятную политическую карьеру, самый тяжелый ударъ, который она когда либо получала отъ «своихъ».

Ллойдъ-Джоржъ осуществилъ небывалую въ Англіи политическую комбинацію: правительство, изъ котораго элиминированъ политическій центръ страны, правительство, набравшее своихъ членовъ изъ двухъ крайнихъ группъ: съ одной стороны — консерваторовъ, съ другой — радикаловъ и трудовиковъ.

Этотъ союзъ глубоко знаменателенъ. Ллойдъ-Джоржъ съ обезоруживающей откровенностью заявилъ, что его министерская комбинація съ чисто парламентской точки зрѣнія очень прихрамываетъ. За то онъ ручается, что съ точки зрѣнія интересовъ войны она будетъ на высотѣ критическаго момента. Его «кабинетъ» увѣнчивается «кабинетомъ въ кабинетѣ», коллективной диктатурой для максимально-быстраго и энергическаго рѣшенія безотлагательныхъ для судьбы «фронта» вопросовъ. Его кабинетъ означаетъ мксимальное напряженіе «воли къ войнѣ» англійской націи.

И какъ характеренъ его «союзный» характеръ! Одинъ изъ его элементовъ — консерваторы и унионисты, наслѣдники стараго джингоизма, т. е. империализма старой формаціи, стремящагося примѣнить къ новымъ условіямъ. Другой — радикалы и «пролетарскіе трудовики», захватывающіе ядро стараго тредсъ-юнионизма, все рѣзче и рѣзче эмансипирующагося за время войны отъ идейной гегемоніи обѣихъ англійскихъ социалистическихъ партій — Б. С. П. (британской социалистической партіи) и І. Л. П. (Независимой рабочей партіи), стоящихъ на позиціи непримиримаго интернаціонализма. Вопреки имъ, лабуристы представляютъ собою англійскіе національ-трудовическіе интересы.

Иными словами, это союзъ двухъ империализмовъ: стараго, торійско-джингоистскаго, и новаго, «рабочаго империализма» Гендерсона и Ко. Ллойдъ Джоржъ — то соединительное звено, которое изъ этихъ двухъ империализмовъ если не создаетъ единый синтетическій империализмъ стіля модернъ, то по крайней мѣрѣ крѣпко сколоченный империалистическій блокъ.

Старая либеральная партія оказалась «не у дѣль». Она была слишкомъ неповоротлива, слишкомъ обременена либеральными правовыми традиціями, чтобы достаточно быстро эволюционировать въ сторону государственнаго авторитаризма, доходящаго до диктатуры. И ее «отставили», хотя она въ большинствѣ.

Кажущаяся антиконституціонность такого оборота дѣль — мнимая. Либеральная партія не могла остаться у власти. Съ уходомъ Ллойда Джорджа она обрывалась слѣва и порывала союзы справа. Она могла образовать чисто партійное правительство, но не могла болѣе создать правительства союза всѣхъ партій, необходимаго для прочнаго гражданскаго мира. Не могла, ибо слѣва и справа ей ставили ультиматумы, а она союзу лѣвыхъ и правыхъ не могла, въ свою очередь, поставить такого же ультиматума. Почему не могла? Понять не трудно. Потому, что у нея не было своей политики, качественно отличной отъ политики воинствующаго империализма. Она только

медлила дѣлать всё логическіе выводы изъ этой политики. Она шла не впереди, а упираясь, въ хвостѣ «естественнаго хода событій»; каждый разъ ея политика сравнительно съ Ллойд-Джорджевской характеризовалась бы лишь русской вульгарной поговоркой «тѣхъ же шей, да пожиге влей». При такомъ настроеніи *большинства* палаты общинъ ему оставалось лишь посторониться передъ болѣе энергичнымъ меньшинствомъ; не принимать участія въ новой министерской комбинаціи, но «subir» ее, подчиниться ей, «пріять» ее скрѣпя сердце и оказывая ей полную хотя и пассивную—поддержку во имя высокихъ требованій обще-національной дисциплины.

Но существенны не эти вопросы парламентской формы, по отношенію къ которой раньше англичане были такими педантами. Не столь существенна даже та эволюція въ сторону военной диктатуры, крупнымъ шагомъ къ которой является новая организація англійскаго министерства. Гораздо существеннѣе тотъ союзъ стараго, торійско-джорджевскаго империализма съ новымъ, радикально-лабуристскимъ империализмомъ, во главѣ котораго становится такой дѣятель, какъ Ллойд Джорджъ. Онъ ликвидируетъ въ себѣ былого смѣлаго *соціального* реформатора, но не реформатора вообще; въ его реформаторствѣ *соціальный* элементъ смѣняется *національнымъ*. Великая Англія во главѣ великаго экономическаго и политическаго союза мѣряющагося силами съ такимъ же великимъ политическимъ и экономическимъ союзомъ центральной Европы, во главѣ котораго стоитъ Германія. Вотъ какой громадной исторической борьбы отдаетъ огнь всѣ свои силы, всего себя этотъ крупный государственный человекъ. Его выборъ сдѣланъ, и возвратъ невозможенъ. Рубиконъ перейденъ. Корабли сожжены. Англія на всѣхъ парахъ идетъ по рельсамъ воинствующаго, энергичнаго, желающаго организовать всю Европу сверх-империализма. И крупнѣйшіе дѣятели буржуазнаго міра, какой бы «лѣвизной» они не отличались идутъ сюда энергичнѣе и неустойчивѣе другихъ. Вотъ почему смѣна кабинета въ Англіи — историческое «знаменіе времени.»

ДУМА И РАЗДУМЬЕ

(ВМѢСТО ХРОНИКИ)

—o—

I. ПРОРОКЪ ИСАІЯ И ДЕПУТАТЪ ШУЛЬГИНЪ

Вновь повторились въ Государственной Думѣ дни «великаго гнѣва и великаго смятенія».

Опять лились негодующія, бурно-пламенная рѣчи. Опять чеканились то ядовитыя, то устрашающія слова по адресу правительства. Опять создалась атмосфера «высокихъ» настроеній. Всѣ возмущались, всѣ стыдили, призывали къ покаянью и грозились, — всѣ, начиная отъ русскаго Эрве на выворотъ до русскаго Бриана in plicite, отъ Пуришкевича до Милюкова.

Грозу перебросило изъ Таврическаго Дворца въ Маріинскій, гдѣ загорѣлись гнѣвомъ даже сердца умѣренныхъ старцевъ, ужаснувшихся предъ «торжествомъ плотоядныхъ, властолюбивыхъ, темныхъ силъ», подъ эгидою которыхъ они такъ благоденствовали много-много лѣтъ.

Языкомъ библейскихъ пророковъ пытались говорить иные

изъ депутатовъ. Но ихъ слова, безвольныя и безсильныя, безслѣдно растворились въ воздухѣ...

«Земля наша опустошена. Города наши сожжены огнемъ... Князья ваши — законопреступники и сообщники воровъ... Ибо постановляютъ несправедливые законы и пишутъ жестокаія рѣшенія, чтобы устранить бѣдныхъ отъ правосудія и похитить права у малосильныхъ»

Такъ «жегъ сердца» своихъ единовѣрцевъ одинъ изъ вольнодумцевъ сѣдой старины, пророкъ Исаія.

Обличаетъ, громитъ и Шульгинъ. Онъ не Исаія, конечно. Но и въ его рѣчахъ минутами чувствуется павось, идущій отъ сердца и, несомнѣнно, что-то говорящій другимъ сердцамъ. Ему стало страшно, когда онъ безъ шоръ и повязки на глазахъ посмотрѣлъ въ лицо представителей русской власти. Онъ «ужаснулся» послѣ *soi-disant* разоблаченій, сдѣланныхъ Милюковымъ на засѣданіи 1-го ноября — разоблаченій противъ Штюрмера и «Звѣздной Палаты».

Онъ ужаснулся и воскликнулъ: «Вѣдь это только начало! Вотъ, гдѣ ужасъ, гдѣ самый ужасъ — мы боимся, что это только начало. Мы боимся, что это только заглавіе къ той сатанинской грамотѣ, въ которой будетъ изложена программа позора и гибели Россіи...» И вотъ, чтобы этого не случилось, «у насъ есть только одно средство: бороться съ этой властью, пока она не уйдетъ... Такая борьба есть единственный способъ предотвратить то, чего больше всего, можетъ быть, слѣдуетъ бояться — предотвратить анархію и безвластіе...»

* * *

II. ДЕКЛАРАЦІЯ КАБИНЕТА „ДВѢНАДЦАТИ СПЯЩИХЪ ДѢВЪ“

Штюрмеръ слетѣлъ. Но звѣздная палата осталась. Штюрмеру на смѣну пришелъ Треповъ и не съ пустыми руками, — хотя и изъ «пустого мѣста», по опредѣленію Шингарева, — а съ пространной декларацией отъ кабинета «двѣнадцати спящихъ дѣвъ»: это игривое сравненіе — плодъ остроумія Пуришкевича.

Въ декларациі говорилось все, что обычно говорится въ такого рода заявленіяхъ за послѣдній годъ; было въ ней, между прочимъ, и слѣдующее позаимствованіе у Г. Плеханова: «На полѣ смерти возникаетъ новая жизнь, и я твердо вѣрю, что Россія выйдетъ изъ войны обновленною, возрожденною и свободною отъ вліянія чуждыхъ ей элементовъ, препятствующихъ правильному развитію средствъ страны»; было, наконецъ, и исполнѣе опредѣленное указаніе на счетъ «вратъ Царьграда» и «Олегова щита». Оно привело депутатовъ въ восторгъ. Все остальное не тронуло ничуть. Даже наоборотъ: взвинтило нервы, отточило языки. И полились іереміады.

Началъ Пуришкевичъ и — если бы все дѣло сводилось сейчасъ въ Россіи только къ словамъ, — то не дурно, умно началъ, хотя и наговорилъ попутно, какъ всегда, не мало пошлостей и вздору. На этотъ разъ онъ выступалъ не отъ «членовъ министерской передней», не отъ «холоповъ», — такъ окрестилъ онъ публично своихъ бывшихъ товарищей по фракціи — а отъ собственной персоны.

«Было время — заявилъ Пуришкевичъ — когда говорилось о довѣрїи власти къ обществу. Сейчасъ идетъ вопросъ о довѣрїи общества къ правительству... Россія изстрадалась по твердой власти, не по твердой власти Держиморды и Скалозуба, съ которой она была знакома, а по такой власти, которая имѣла бы и программу и систему и не шла бы наобумъ и вразбродъ. Мы чувствуемъ твердую власть, но только въ системѣ и послѣдовательности проведенія внутренней государственной разрухи... Все зло идетъ отъ темныхъ силъ, которыя двигаютъ на мѣста тѣхъ или другихъ лицъ и заставляютъ взлетать на высокіе посты людей, которые не могутъ ихъ занимать...»

Не правда-ли, что самъ П. Н. Милюковъ врядъ-ли сказалъ бы лучше. Во всякомъ случаѣ его послѣдняя пространная рѣчь, сказанная 22-го ноября въ отвѣтъ на правительственную декларацию, не отличается ни особенною яркостью, ни силой. Вотъ заключительныя строки ея.

«Это правительство, г. г., не можетъ разрѣшить ни одного изъ великихъ вопросовъ, поставленныхъ великою борьбою. Оно не можетъ объединить вокругъ себя никого въ ту минуту, когда безъ великаго довѣрїя невозможны великія жертвы. И когда страна ясно показала, что она только вамъ вѣрится, вѣрится только Гос. Думѣ, вы не можете передать этого довѣрїя имъ. Мы конечно, не можемъ сами стать правительствомъ, какъ иногда, къ сожалѣнію, думаютъ въ стра-

нѣ. Но мы... должны добиться правительства, пользующагося довѣріемъ страны и законодательныхъ учреждений...»

Страна вѣритъ только Думѣ... Много сказано. Смѣло сказано. Неволю беретъ серьезное раздуміе: такъ-ли? не слишкомъ-ли тенденціозенъ этотъ оптимизмъ, родившійся въ минуту глубоко-пессимистическихъ переживаній? Вѣра — если она подлинная вѣра — сопровождается дѣлами.

III. ТЕМА СЪ ВАРИАЦІЯМИ

Она, какъ сочный leitmotif, звучала въ рѣчахъ всѣхъ видныхъ — да и не видныхъ — депутатовъ и на засѣданіяхъ, обсуждавшихъ тревожную декларацию, и на засѣданіяхъ по продовольственному вопросу.

Внутренняя рухура и «темныя силы», какъ первопричина ея, — вотъ этотъ leitmotif; все остальное — лишь модуляціи и вариации его.

Подымается на кафедру Шингаревъ, указываетъ на министерскую ложу и говоритъ:

«Передъ вами, господа, пустыя мѣста не только здѣсь, въ министерской ложѣ. Пустое мѣсто и въ Совѣтѣ министровъ, въ которомъ нѣтъ ни знанія, ни плана, ни системы... Не ясно ли, что главная, практическая, дѣловая работа наша — это удаленіе власти, которая не можетъ работать...»

Затѣмъ онъ сравниваетъ поведеніе «пустого мѣста» за все время войны съ поведеніемъ страны и заявляетъ:

«Я не знаю болѣе великаго, болѣе благороднаго, болѣе мужественнаго, чѣмъ поведеніе нашей несчастной страны во время этой безпримѣрной войны. Неравноправное, угнетенное, оскорбляемое населеніе, населеніе, котораго не просвѣщали, надъ которымъ глумились и издѣвались, лучшихъ сыновъ котораго сослали въ далекие края, ни одной секунды не поколебалось, когда разразилась война...»

И, наконецъ, вспоминая Францію наканунѣ великой революціи, онъ восклицаетъ:

«Да вѣдь это наши дни, наша рухура, наша слѣпая, безумная власть, да вѣдь это наши домашнія дѣла, наши неуспѣхи съ внѣшнимъ врагомъ, наши злобѣщія, амѣбные слухи объ измѣнѣ. Да вѣдь это наша боль, наше горе, наши дни!.. Безъ отъѣма этого режима, безъ разгона этой «толпы, стоящихъ у трона, свободы, гонія и славы палачей», безъ смѣны этой никудышной власти — выхода у государства нѣтъ.

Львые депутаты на этихъ памятныхъ засѣданіяхъ Госуд. Думы не присутствовали: чуть ли не всѣ они были исключены на восемь засѣданій за недружелюбный приѣмъ, оказанный новому премьеру. Миѣ кажется однако, что ни одинъ изъ нихъ не сказалъ бы больше того, что было сказано кадетомъ Шингаревымъ.

Но эта «революціонность» дутая, иллюзорная. Она создавалась на фонѣ слуховъ о «темныхъ силахъ». «Злобѣщія слухи» говорили о германофильствѣ власти, о коварныхъ планахъ «Звѣздной палаты» въ пользу сепаратнаго мира, о намѣреніяхъ нѣкоторыхъ лицъ, стоящихъ за предѣломъ досягаемости, предать страну, о государственной измѣнѣ. А это развязывало языки. Окрыляло мужествомъ умѣреннѣйшихъ людей. Превращало въ якобинцевъ и Шингарева, и Годнева, и Пуришкевича, и князя Голицына и другого князя, лампадно-елейнаго, заплѣсневѣлаго «почвенника» Евгенія Трубецкого.

«Надо поражаться покорности и долготерпѣнію русскаго народа», говорилъ кн. Голицынъ въ Государ. Совѣтѣ. «Но всякому долготерпѣнію есть конецъ!» — продолжалъ онъ, взывая къ необходимости правительства, «свободнаго отъ тлетворнаго вліянія закулисныхъ вѣяній и грязи темныхъ силъ».

«Насъ зовутъ водрузить крестъ на храмъ Св. Софіи, патетически восклицалъ Е. Трубецкой. Но какой же крестъ мы будемъ водружать, когда на насъ самихъ нѣтъ креста! Чтобы водрузить этотъ крестъ, мы должны подчиститься, мы должны сами очиститься отъ этой мерзости, отъ этихъ ужасовъ...»

И слушая эти покаянныя рѣчи, вновь отдаешься во власть раздумья и спрашиваешь себя: Кто они, эти вдохновенные ораторы? Свалившіеся съ луны Панглоссы, хитроумные Одиссеи російской государственности, или просто политическіе Тартюфы? Гдѣ жили они до сихъ поръ? И неужели имъ впервые приходится узнавать объ «этой мерзости», объ «этихъ ужасахъ», объ этой «гязи темныхъ силъ»?..

IV. «ИДИТЕ КЪ ЦАРЮ... НИНЬТЕСЯ ГОСУДАРЮ ВЪ НОГИ...»

Въ ноябрьскіе дни атмосфера въ обоихъ дворцахъ была повышенная, очень повышенная. Ее даже характеризовали, какъ «бурно-кипучее море чувствъ, страстей и порывовъ».

— И намъ, и представителямъ Гос. Совѣта, говорилъ предсѣдатель группы центра, В. М. Львовъ — придется увеличить нашъ нажимъ.

— Власть исполнительная да повинуется власти законодательной! заявилъ съ думской трибуны никто иной, какъ самъ Синаидо.

— Карфагенъ долженъ быть разрушенъ! твердили депутаты всѣхъ мастей, отъ черной до желто-розовой...

И вотъ опять затишье, — милое, родное, политическое затишье...

А что же можетъ быть другое? Что въ силахъ породить тактика прогрессивнаго блока, — тактика, въ которой полностью отразилась безпомощность и дряблость нашихъ привилегированныхъ сословій.

Они хотѣли бы переимѣн. И въ то же время боялись революціи. Эта боязнь открыто заявлялась представителями обоихъ палатъ. Эта боязнь въ значительной мѣрѣ обусловливала смѣлость ихъ рѣчей. И Пуришкевичъ былъ, несомнѣнно, выразителемъ общаго настроенія, когда сказалъ, что нынѣшнее правительство всѣмъ modus'омъ своей политики «уготовляетъ, въ качествѣ преемницы этой Гос. Думы, Госуд. Думу совсѣмъ другого характера».

О «Думѣ совсѣмъ другого характера» не смѣетъ и потому не хочетъ думать думское большинство. Прогрессивный блокъ готовъ бороться съ правительствомъ лишь «всѣми законными мѣрами». Онъ, какъ всегда, пугливо отмахивается отъ заподозриваній его въ нелояльность. И отъ имени его депутатъ Шидловскій «во всеуслышаніе, совершенно громко» заявилъ, что невѣрно, будто представители блока «объявили какой-то походъ правительству, желаютъ его свергнуть и забрать его функціи въ свои руки». «Я — сказалъ Шидловскій — утверждаю совершенно опредѣленно: у насъ никогда этой мысли не возникало... Мы здѣсь представители закона и свои законныя права мы исполняемъ полностью. Но тѣ права, которые намъ закономъ не предоставлены, мы теперь, во время общей борьбы получить и не желаемъ...»

Такова тактика Госуд. Думы: ясная, твердая, истинно-джентльменская.

Ну, а гдѣ-же «нажимъ», о которомъ говорилъ В. М. Львовъ? Какъ и кто будетъ разрушать Карфагенъ?

На это отвѣтъ вы найдете въ растрепанно-вдохновенной рѣчи Родичева.

«Г.г., сказалъ онъ, пламенѣя подъ натискомъ собственныхъ словъ, — если вы поставите себѣ вопросъ, въ чемъ залогъ и ручательство побѣды, вы во внѣшнихъ условіяхъ этого залога не найдете. Ищите его въ груди народной, ищите его въ своей груди...»

Все это — традиціонная дань романтикѣ, а посему не всѣмъ вразумительно. Дальше понятіе, хотя все еще въ достаточной мѣрѣ романтично:

«Отвѣтъ на этотъ вопросъ, продолжалъ Родичевъ, долженъ быть актомъ воли. Г.г., этого акта воли ждетъ отъ Госуд. Думы народъ русскій...»

Что? испуганно бормочетъ обыватель, а, быть можетъ, и самъ Милюковъ: Призывъ къ ниспроверженію?.. И облегченно вздыхаетъ, читая дальше:

«Этотъ актъ воли не мгновенное дѣйствіе (ну, слава Богу!), это актъ настойчиваго (зоологическаго, что-ли?) упорства, это актъ борьбы словомъ (вотъ оно что значитъ реальная политика!) но словомъ правдивымъ и смѣлымъ до конца».

Итакъ, «нажимъ», сводится къ «акту воли», выражающемуся въ словѣ, полъ напоромъ котораго, очевидно, и падетъ Карфагенъ.

Кн. Евг. Трубецкой и Пуришкевичъ продвигаютъ эту тактику дальше. И правильно поступаютъ. У всякой тактики есть свои неизбежныя логики. Съ нею считаются и Трубецкой и Пуришкевичъ.

Первый, какъ человѣкъ витіеватаго душевнаго склада, говоритъ: «Я вѣрую, что, какъ въ 12-мъ году, голосъ земли русской дойдетъ до Престола. Престоль соберетъ вокругъ себя землю и тогда соединенными силами Престола и могучей Россіи побѣда будетъ наша.»

А Пуришкевичъ, какъ натура прямолинейная, реалистическая, безъ всякихъ околичностей говоритъ: «Идите къ царю... Киньтесь въ ноги Государю... Скажите, что дальше такъ быть нельзя...»

V. ОПЯТЬ ПРОРОКЪ ИСАИЯ

Исполняя завѣтъ пославшаго его, пророкъ говорилъ:

«Я накажу нечестивыхъ за беззаконія ихъ, и положу конецъ высокомерию гордыхъ, и уничтожу надменность пригнѣсителей».

Но въ то же время онъ зналъ, что слово должно быть лишь стимуломъ къ дѣлу, что иначе оно повиснетъ, безсильное, бездѣльное, въ воздухѣ.

Однако вмѣшательство Румыніи давало цѣлый рядъ возможностей. Казалось, оно открывало проливы и путь на Константинополь, угрожало сношеніямъ центральныхъ имперій съ Ближнимъ Востокомъ, позволяло, вторгнувшись въ Болгарію, возстановить, нарушенное на Балканахъ, равновѣсіе. Эти возможности могли быть использованы, конечно не Румыніей, а ее сѣверо-восточнымъ сосѣдомъ. Румынія же, предоставленная сама себѣ или поддержанная недостаточно и не своевременно, конечно, не могла защищать свою обширнѣйшую границу противъ могущественныхъ противниковъ, атаковавшихъ ее почти со всѣхъ сторонъ. Сильная русская армія, способная немедленно перейти Дунай и устремиться на югъ, была необходима. Только она могла отвлечь всѣ свободныя силы австро-германцевъ на защиту сообщенія Бѣлградъ-Софія-Константинополь и позволить румынамъ начать наступленіе съ нѣкоторыми шансами на успѣхъ въ Трансильваніи. Безъ могущественной и немедленной русской поддержки. Румынія была обречена на разгромъ безразлично отъ того, направила ли она свои удары на Болгарію, какъ того хотѣли союзные главные штабы, или на Трансильванію, согласно желанію большей части своего обшественнаго мнѣнія.

Пораженіе Румыніи чревато послѣдствіями. Прежде всего оно даетъ побѣдителя богатѣйшія земледѣльческіе районы, способные позволить ему несравненно успѣшнѣе бороться съ продовольственнымъ кризисомъ, даетъ обильные нефтяные источники, открываетъ цѣлый рядъ новыхъ и удобныхъ путей для сношенія съ Турціей и Болгаріей, обеспечиваетъ господство въ западномъ углу Чернаго моря. Наконецъ такая удивительная естественная артерія, какъ Дунай, попадаетъ почти цѣликомъ въ руки центральныхъ имперій. Выгоды колоссальныя и значительное подрывающія значеніе пресловутой блокады союзниками береговъ нѣмецкаго моря.

Но это еще не все и сюда надо прибавить и чисто военныя послѣдствія румынскаго пораженія.

Захватъ Валахій и Букарешта обнажилъ лѣвый флангъ русскаго расположенія и образовалъ пустое мѣсто между трансильванскими Альпами и Дунаемъ, куда немедленно устремились побѣдоносные полки фонта Макензена. Фактически образовался прорывъ фронта и обхватъ лѣваго фланга, что невольно переноситъ на югъ весь центръ тяжести восточнаго театра войны и неизбежно повлечетъ перегруппировку русскихъ армій.

В. Дикій

БАЛКАНЫ И ВОЙНА

I.

ВМѢШАТЕЛЬСТВО РУМЫНІИ

Румынія — страна крупнаго землевладѣнія и экономически закрѣпощеннаго крестьянства. Она интересна, какъ живой примѣръ національной устойчивости. Романизированная во II вѣкѣ по Р. Х, она осталась таковой на протяжении сотенъ лѣтъ, несмотря на рядъ нашествій и завоеваній; черезъ нея проходили готы, гунны, возможно славяне, въ ней хозяйничали печенѣги, половцы, татары и турки и, вопреки столѣтіямъ чужеземнаго господства, языкъ, наиболѣе яркій признакъ національности, сохранялся, какъ культурное наслѣдіе древняго Рима. Вотъ эта общность латинской культуры, родство языковъ романскихъ народовъ, противоположеніе латинизма германизму и послужили одной изъ струнъ, одной изъ нотъ, на которой сирены дипломатіи нѣкоторыхъ изъ

Успѣеть ли произойти эта перегруппировка до отступленія румыно-русскихъ войскъ на русскую территорию или нѣтъ? Вотъ вопросъ, отъ рѣшенія котораго получится впечатлѣніе, способное глубоко отозваться на психологию борющихся сторонъ.

лишній разъ подчеркивается полное отсутствіе рациональной подготовки ихъ выступленій, обусловленное невѣрной оцѣнкой своихъ силъ и силъ своего противника. Напротивъ — Германія проявляетъ опасную для союзниковъ спо-

способность немедленно ориентироваться въ изменившихся къ худшему условияхъ, испльзовать ошибки противниковъ и благодаря этому получать новыя выгоды какъ разъ изъ того, что должно было нанести ей ущербъ.

Но помимо всякаго рода результатовъ и выгодъ той или иной изъ борющихся сторонъ, выступленіе Румыніи представляеть еще особый интересъ. Пожалуй, только самыя неудачныя изъ военныхъ приключеній второй имперіи, «Маленькаго» могутъ идти съ нѣкоторое сравненіе съ нимъ; такъ велико несоотвѣтствіе между цѣлью предпріятія, его колоссальнымъ рискомъ и характеромъ его веденія. Со стороны можно подумать, что его инициаторами совершенно не были выяснены ни силы противника, ни его средства (и это послѣ опыта 25 мѣсяцевъ войны!), что руководители румынской политики были загипнотизированы тѣми обманчивыми миражами, которые ради «поддержанія духа» въ странѣ создаются безоотвѣтственной «большой прессой» одной изъ борющихся сторонъ, и притомъ наиболѣе несерьезной частью этой прессы. Такъ преувеличивали легкость предпріятія, такъ смѣло шли навстрѣчу опасѣйшимъ приключеніямъ и такъ мало бывали подготовлены къ вытекающимъ изъ нихъ тягостнымъ «сюрпризамъ» только такіе сподвижники «послѣдыша» бонапартаторвской династіи, какъ Оливье, графъ Грамонъ et tutti quanti.

Въ настоящій моментъ, когда бывшіе румынскіе германофилы — (Карпъ, Маршломанъ и др.) остались въ Букарестѣ и организуютъ тамъ по порученія германской власти гражданское управленіе, можно ожидать тамъ со стороны Германии чрезвычайно ловкихъ маневровъ, вродѣ «польскаго». Этотъ маневръ испльзовать все то, что въ морально-политическомъ смыслѣ и раньше было «запятой» для румынскаго интервенцизма.

Освобожденіе трансильванскихъ братьевъ, но почему не бессарабскихъ, къ тому же лишенныхъ такихъ элементарныхъ правъ, какъ право обученія на родномъ языкѣ? Освобожденіе «вѣнское» — но почему не «внутреннее», когда въ Румыніи крестьяне такъ закрѣпощены, что мѣстные аграріи не чувствовали энтузіазма къ планамъ присоединенія Трансильваніи изъ опасенія, какъ бы контрастъ съ тамошнимъ, болѣе свободнымъ и состоятельнымъ крестьянствомъ, не вызвалъ броженія въ крестьянствѣ мѣстномъ? Или когда въ той же Румыніи живетъ сотни тысячъ евреевъ, лишенныхъ всякихъ гражданскихъ правъ? А вѣдь теперь шла бы рѣчь объ освобожденіи, которое не стоило бы ни денегъ, ни крови.

Въ газетахъ уже проскальзывали свѣдѣнія, судя по которымъ, можно думать, что ради упроченія своего положенія въ захваченной части Румыніи Германия не прочь создать въ ней нѣчто вродѣ новаго «національнаго правительства» — конечно, фиктивного, маргариноваго, изъ германскихъ ставленниковъ и — приобѣсти прочныхъ сторонниковъ быстрымъ проведеніемъ аграрной реформы (развѣ Россія не справилась именно такимъ способомъ съ шляхетскимъ возстаніемъ въ Польшѣ?) и устраненіемъ цѣлага ряда законодательныхъ архаизмовъ, вродѣ еврейскаго безправія. Это, конечно, будетъ циническою демагогіей. Но развѣ она не разоблачитъ коренной слабости другой демагогіи — шовинистской, торжествовавшей доселѣ?

Спрашивается: пройдетъ ли для Румыніи даромъ жестокой урокъ этой свалки разныхъ демагогій, со всеми тѣми горькими послѣдствіями, которыя она принесетъ съ собою? Или онъ подѣйствуетъ отрезвляюще, и дасть въ странѣ силу тѣмъ новымъ тенденціямъ, которыя доселѣ были обречены на траги-

ческое безсиліе? Предсказать трудно. Въ самой Румыніи долги традиціи закрѣпощенія и невѣжества массъ — слишкомъ серьезныя препятствія для того, чтобы предаваться оптимистическимъ надеждамъ. Все зависитъ отъ того, насколько во всей Европѣ послѣ кровавой встряски дасть себя почувствовать дуновение новой жизни, способное увлечь въ свое русло и мелкія, отсталыя страны.

II

ГРЕЦІЯ

Но все же ты еще прекрасна,
Страна покинутыхъ боговъ...

Байронъ

Современный европейскій конфликтъ подѣлил Грецію на два лагеря и это дѣленіе во многомъ совпадаетъ съ тѣмъ историческимъ дѣленіемъ, которое, основанное на физико-географическихъ особенностяхъ страны, красной нитью проходитъ по всей исторіи Эллады.

Афины и Спарта, съ одной стороны — Греція острововъ и побережій, съ другой — крупная земельная аристократія. Какъ прежде, глубокая народная масса молчатъ, а потому съ ихъ голосомъ въ данномъ случаѣ не приходится считаться, да и не въ одной только Греціи. Что-же касается правящихъ классовъ, то повсюду они раздѣлились по выше-указанной рубрицѣ. Промышленная и торговая буржуазія, живущая на островахъ, въ портовыхъ городахъ, въ колоніяхъ, разбросанныхъ по всеѣмъ центрамъ Средиземнаго бассейна, однимъ словомъ тѣсно связанная съ моремъ, явно антанто-фильская. Да иной она не можетъ быть, такъ какъ всецѣло зависитъ отъ морского преобладанія Англии и Франціи: достаточно послѣднимъ сказать свое слово, чтобъ замерла вся жизнь на побережійхъ, портахъ и островахъ и для всеѣхъ ихъ имущихъ классовъ наступило разорѣніе, а для немущихъ-голодь. Достаточно Англии прекратить экспортъ своего угля, и немедленно весь греческій паровой торговый флотъ, пропорціонально очень значительный, станетъ въ полномъ бездѣйствіи, а съ объявленіемъ блокады во всеѣхъ приморскихъ областяхъ получится полный недостатокъ продовольствія. Вотъ чѣмъ въ значительной части объясняются симпатіи всей Греціи, живущей моремъ къ союзникамъ, въ особенности, къ двумъ западнымъ державамъ.

Но наряду съ приморской Греціей, существуетъ также Греція континентальная, Греція крупныхъ земельныхъ собственниковъ Фессалии, Македоніи и отчасти Пелопонеза. Зависимость ея отъ моря несравненно меньшая, а вывозъ нѣкоторыхъ земледѣльческихъ продуктовъ (маслина, табакъ, виноградъ, вино etc.) имѣеть для нихъ не малое значеніе. Вотъ почему ихъ симпатіи направлены скорѣй въ сторону центральныхъ имперій, представляющихъ въ значительной степени лучшей рынокъ для сбыта вышеназванныхъ продуктовъ, чѣмъ большинство странъ согласія.

Однако, наряду съ факторами чисто экономическими, существуютъ также и другіе, которые обусловливаютъ симпатіи той или иной части Греціи. Такъ наприимѣръ Франція и Англія почти на всемъ протяженіи XIX и XX вѣковъ въ дѣйствительности являлись защитниками и покровителями эллинизма. Увлеченіе послѣднимъ не только привело ихъ въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, къ борьбѣ съ оружіемъ

въ рукахъ за независимость Греціи, но даже къ такимъ конкретнымъ шагамъ, какъ уступка Англій въ 1863 году Іонійскихъ острововъ, не говоря уже о неоднократной финансовой поддержкѣ этихъ державъ. Вотъ почему симпатіи къ нимъ части греческаго общества понятны и естественны, принимая еще во вниманіе и факторы, чисто экономическіе.

Отчасти въ такомъ же положеніи по отношенію къ Греціи, какъ Франція и Англія, находится и Россія. Она, какъ и онѣ, принимала участіе въ борьбѣ за греческую независимость, какъ и онѣ создавала греческое самостоятельное государство, но въ ея сношеніяхъ съ Греціей существуетъ большое но, и не одно.

До паденія Византіи Греція безспорно являлась духовной и свѣтской главой православной церкви. Духовной главой она являлась также и долго послѣ взятія турками Константинополя и окончательнаго завоеванія имперіи, но ея значеніе въ этой области все падало и падало съ возрастаніемъ могущества Россіи, и въ руки петербургскаго синода попали такіе церковные районы, которые, казалось, должны были прямо зависеть отъ Константинопольскаго патріарха (хотя бы, напримѣръ, грузинская церковь, не говоря уже о всѣхъ православныхъ общинахъ черноморскаго побережья или объ Афонѣ) *Inde ita* — и всѣ духовные круги Греціи невольно смотрятъ на официальную русскую церковь, какъ на своего опаснѣйшаго и счастливаго конкурента.

Но помимо чисто церковнаго разногласія, существуетъ и другое: почти всѣ греческіе великодержавники имѣютъ мечту о возсозданіи древней византійской имперіи съ Константинополемъ во главѣ. И здѣсь, какъ и въ вопросахъ главенства православной церкви, Россія опять таки является счастливымъ соперникомъ. Правда греческіе имперіалисты новѣйшаго типа, принадлежащіе къ представителямъ мѣстной буржуазіи (Венизелосъ) согласны примириться съ потерей Константинополя, когда эта потеря компенсируется обширными малоазійскими владѣніями, но съ ней не мирятся представители династіи и крупныхъ землевладѣльцевъ: для нихъ куда какъ заманчивѣе западныхъ городовъ Малой Азіи богатая фракійскія поля. Вотъ обстоятельства, которыя служатъ причинами антагонизма части греческаго общества къ Россіи, хотя въ вопросѣ о Константинополѣ и Малой Азіи обѣимъ сторонамъ можно напомнить о шкурѣ не убитаго медвѣдя.

Приблизительно такой же антагонизмъ, какъ къ Россіи, питаетъ уже пожалуй не часть, а вся правящая Греція къ Италіи. Последняя, въ лицѣ своихъ имперіалистовъ, мечтаетъ о гегемоніи во всемъ восточномъ Средиземномъ морѣ, не говоря уже о полномъ хозяйничаньѣ въ Адриатическомъ морѣ; «*Adriatico-mare nostrum*!» восклицаютъ всѣ итальянскіе имперіалисты, начиная отъ официальныхъ представителей, кончая футуристами типа Маринети и поѣтами вроде Д'Ануцио; а для того, что бы сдѣлать «*Adriatico-mare nostrum*» необходимо захватить хотя бы южную Албанію, наложить руку на чисто греческій Эпиръ. Стремленіе же къ гегемоніи въ восточномъ Средиземномъ морѣ уже привело къ захвату итальянцами исключительно греческаго Додеканеза (Двѣнадцать острововъ) съ Родосомъ во главѣ.

Понятно, что такія тенденціи имперіалистической Италіи, а таковой является вся ея официальная часть, не могутъ возбудить большой симпатіи греческаго общества, какъ не могла ихъ возбудить въ немъ и дѣятельность союзной дипломатіи за всѣ годы войны. И въ Греціи, какъ во всѣхъ остальныхъ балканскихъ государствахъ, эта дѣятельность представляетъ цѣлый рядъ крупныхъ ошибокъ.

Прежде всего ошибочно было отклонить весной 1915 греческое предложеніе союза, что было сдѣлано державами согласія исключительно съ цѣлью обезпечить себѣ поддержку Болгаріи при атакахъ проливовъ.

Ошибкой является также и двойственный, колеблющийся образъ ихъ дѣйствій, позволившій всѣмъ враждебно настроеннымъ, германофильскимъ элементамъ греческаго общества организовать и сгруппироваться вокругъ короля Константина. Дѣло союзниковъ могло только выиграть отъ рѣшительныхъ и опредѣленныхъ дѣйствій, которыя должны были логически привести Венизелоса къ власти и къ отстраненію отъ нея Константина.

Въ концѣ концовъ цѣль не была достигнута—Греція не стала на Ближнемъ Востокѣ оплотомъ *quadruple entente*, симпатіи ея къ нему сильно пошатнулись, но за то внутри самой страны произошелъ глубокой расколъ, способный нарушить ея единство и, быть можетъ, привести къ гражданской войнѣ. Греція не вошла прямо въ число воюющихъ державъ, но тѣмъ не мѣнѣе разрушительное дѣйствіе современнаго конфликта отразилось и на ней: настоящая война вездѣ, гдѣ чувствуется ее прямое вліяніе, сѣетъ сѣмена вражды и будущихъ осложненій, которыя дадутъ въ свое время кровавую жатву.

Саркисъ

СЕГОДНЯ

Воскресенье 7-го Января

(Русское Рождество)

въ

Salle du Grand Orient de France

16, rue Cadet, 16

состоится

Концертъ-Елка

Le Gérant: **Hambourg**

Imprimerie «Idéal» 14, rue Vavin, PARIS.